

посредственно в этом не участвуя), он даже не замечает порой, что сам тронут до глубины души и вытирает непрошенные слезы. Окажется ли человек в беде, будь то весеннее половодье, голод, эпидемия или война, во всех слоях общества пробуждаются живое братство и готовность к жертвованию...» [5].

В русских врачах Ильин отмечает их жертвенность врачебной профессии, а не ремесло врача как таковое. В русской молодежи, считает Ильин, всегда таится мечта о возможно-невозможном совершенстве. «Того, кто расчетлив и рассудочен, кто тщеславен и беспринципен в намерении сделать карьеру, презирают. Русская добродетель — это добродетель сердца и совести» [5].

Как отмечает И.А. Ильин, «русская душа в своей потребности созерцания ненасытна. В нем — созерцание ее искусства, в особенности живописи, скульптуры и архитектуры, но также и русского балета, и русского театра вообще... И русская поэзия... только тогда приходит к завершенности и созидательному покою, когда она вырывается из тисков обычного сердечного созерцания к высочайшей пластичности и выразительной силе» [6].

Ильин подчеркивает, что он не стремится идеализировать русскую душу, характер каждого народа имеет как хорошие стороны, так и недостатки. Но русская душа, по Ильину, «прежде всего, дитя чувства и созерцания. Ее культуротворящий акт есть сердечное видение и религиозно совестливый порыв... русский нуждается в свободе и ценит ее, как воздух для легких, как простор для движения. Русская культура построена на чувстве и сердце, на созерцании, на свободе совести и свободе молитвы. Это они являются первичными силами и установками русской души, которая задает тон их могучему темпераменту. В качестве вторичных сил выступают воля, осознанная мысль, правовое сознание и организаторские функции» [6].

Размышления И.А. Ильина о своеобразии русской души и культуры, представленные им в своей лекции «Душа», впервые увидели свет на русском языке лишь в девяностых годах XX века. Они, несомненно, могут быть интересны и поучительны при разработке теоретических и методологических оснований эффективности функционирования института цели, способного обобщить общенациональный опыт, накопленный в том числе и всеми поколениями граждан России.

Примечания:

1. Кузнецов, В. Н. Общенациональная цель как фундаментальная проблема социологии / В. Н. Кузнецов // Социологические исследования. — Москва, 2005. — № 4.
2. Яновский, Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность / Р. Г. Яновский. — Москва, 1999. — С. 18.
3. Ильин, И. Сущность и своеобразие русской культуры. Душа. Свобода и гармония / И. Ильин // Москва. — 1996. — № 1. — С. 170–190.
4. Ильин, И. Сущность и своеобразие русской культуры. Душа. Простота и достоинство / И. Ильин // Москва. — 1996. — № 1.
5. Ильин, И. Сущность и своеобразие русской культуры. Душа. Сердце и совесть / И. Ильин // Москва. — 1996. — № 1.
6. Ильин, И. Сущность и своеобразие русской культуры. Душа. Стремление к совершенству / И. Ильин // Москва. — 1996. — № 1.

Казачья Сибирь: о Ремезовской летописи и легенде «Святой Николай и Касьян Немилостивый»

В.Н. Евсеев, Г.С. Зайцев, Тюменский государственный университет

Региональный компонент школьных и вузовских программ по словесности, народной художественной культуре позволяет учителям и преподавателям расширить представления учащихся о религиозных произведениях, о произведениях народных — фольклорных. В школах и вузах Тюменского региона — при реализации данной задачи — необходимо обратиться к фольклору региональному, то есть к сибирскому, становление которого протекало на огромной территории за «Камнем» (за Уральскими горами). В сибирском фольклоре главная тема — освоение Сибири. Но в таком случае нельзя пройти мимо казачьего сибирского фольклора; к сожалению, ему уделяется мало внимания в школьном и вузовском преподавании устного народного творчества, народ-

ной художественной культуры. В статье предлагается материал, который позволит восполнить указанный пробел и реализовать образовательный, воспитательный потенциал народной словесности — на примере фрагментов Ремезовской летописи, казачьей легенды «Святой Николай и Касьян Немилостивый».

Судьба казачества России — вообще содержательно емкая тема для обсуждения на занятиях проблем, связанных с социокультурной, исторической ситуацией на современной мировой арене, когда краеугольным камнем становятся вопросы российского «самостоянья», органичного патриотизма, духовного здоровья нации. В последние десятилетия происходят глобальные изменения в российском обществе. На смену многовековым традициям приходят новые приоритеты, когда меняется само сознание (самосознание) россиян, когда им пытаются привить ценности «чистогана», жесткий индивидуализм, что чревато подменой духовно-нравственных основ российского общества ложными ценностями. Самосознание россиян издревле строилось на любви к своему Отечеству, на уважении к традициям общественным и семейным, а они транслируются из поколения в поколение и благодаря фольклору — в нем находят выражение национальные ценности.

Существенную роль в воспитании россиянина выполняет и фольклор казачества — субэтноса, целью которого (так определилось исторически) было служение Отечеству, его защита (охрана границ и поддержание порядка на закрепленных за казаками территориях). Казачество, сформировавшееся на окраинах Московской Руси и Украины как военно-земледельческие общины вольных поселенцев, сыграло значительную роль в собирании Русской земли. В начальную пору освоения Сибири ее коренными жителями казак воспринимался как опасный «человек с ружьем». Но надо и помнить, что казачество по присяге исполняло военную функцию. Будем правдивы: казачество участвовало в колонизационном процессе Российского государства, но оно никогда не строило резервации для присоединенных коренных народов Сибири, не истребляло их, как это имело место на американском континенте по отношению к индейцам. В начальную же пору присоединения Сибири к России казакам вменялось в обязанность оборонять от внешней угрозы московских данщиков; это вначале вогулы (прежнее название народа манси) и остяки (название народа ханты и некоторых народов Севера), а затем и другие сибирские племена, народы.

В судьбе самих казаков немало трагических страниц, в их числе — геноцид, учиненный советской властью по отношению к ним в 1920–1930-х годах (политика расказачивания, репрессии; до 1936 года казаков не призывали в армию). С 1990-х годов наблюдается процесс возрождения российского казачества, он закрепляется подписанной 3 июля 2008 года Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым «Концепцией государственной политики в отношении российского казачества»; концепция призвана обеспечить дальнейшее развитие казачества, сохранение его самобытности, традиций, культуры.

В судьбе российских казаков немало славных страниц служения родной отчизне, одна из страниц — сибирская. История присоединения Сибири к Российскому государству начинается с деяний казаков, отправной точкой и центром событий становится Зауралье, в том числе и территория нынешней Тюменской области. Краткую историческую справку найдем в статье А.П. Яркова: «За Уралом казаки появились после того, как купцы Строгановы наняли казачью вольницу во главе с атаманом Ермаком для борьбы с набегами сибиряков. Перейдя через Уральские горы, казаки избрали наступательную тактику и 26 октября 1582 г. заняли г. Искер. Походы 1583–1584 гг. были для Ермака также успешными, но в ночном бою в устье реки Вагай 5 августа 1585 г. Ермак погиб, а оставшиеся в живых 90 человек «ушли на Русь». История сибирского казачества начинается с конца лета 1585 г., когда посланный на помощь Ермаку отряд «государевых служилых людей» остался на зимовку в устье реки Иртыш и поставил там «городок», названный впоследствии Обским. В 1586 г. в Сибирь вновь пришли оставшиеся в живых «ермаковы казаки» и вместе с отрядом Василия Сукина и Ивана Мясного «срубили острог» — Тюмень — на месте прежней Чимги-Туры. Ядро казачества составляли «государевы служилые люди» и переведенные из тяглого населения крестьяне и посадские. В 1587 г. при участии казаков был основан Тобольск, который с 1590 г. стал главным городом Сибири. <...> На территории Сибирской (Тобольской) губернии с 1736 г. находились поселения Исетского казачьего войска, созданного из потомков воинов Ермака, освоивших берега рек Исеть, Миасс; Иртышской и Ишимской укрепленных линий» [7, с. 140].

О первых походах казаков за Каменный пояс повествуют сибирские летописи, в частности Ремезовская, составленная сибиряком в третьем поколении Семеном Ульяновичем Ремезовым (1642 — после 1720) — талантливым картографом, историком, этнографом [см. 1]. Он переработал обнаруженную в городе Кунгуре летопись («Летопись Сибирская краткая (Кунгурская)»), она дополнила его историческое сочинение — «Историю Сибирскую»; труд одного из первых сибирских историков сейчас называется Ремезовской летописью (1697–1710). В летописи повествуется о походах «ермаковских казаков» за Урал, о начальном периоде присоединения Сибири к Российскому государству. Повествование представляет собой «сплав традиций летописного жанра, воинской повести, житийной литературы, вобравший в себя многочисленные фольклорные сюжеты» [1, с. 414].

Для нас немаловажен тот факт, что С.У. Ремезов родом из «служилых людей». «Государеву службу», подчеркивает И.В. Белич, Семен Ремезов «начал в 1668 г. казакон, зачисленным под начало отца (стрелецкого сотника Ульяна Моисеевича Ремезова. — **В.Е., Г.З.**) для устройства слобод и пашен в Ишимском остроге Тарского уезда» [1, с. 409]. Выходит, что казачий быт С.У. Ремезов знал не понаслышке, казаки — главные действующие лица его историко-поэтического повествования.

Приведем два фрагмента Ремезовской летописи, где фигурируют казаки. Первый фрагмент мы условно назвали «И приплыли к Устью Турбы...»:

«И приплыли к устью Турбы к концу Долгого Яра в 26 день июля на восходе солнца. И увидели бесчисленные басурманские силы, ожидающие прихода Ермака. Казаки же перепугались и причаляли к острову выше Яра, держали совет [и] просительную молитву вознесли Святой Троице, Пресвятой Богородице и всем святым.

И по явлению Спасителя, когда Ермак и казаки увидели, что знамя с Его образом, почитаемое казаками, само собой [снялось] с места и двинулось вперед вдоль левого берега Тобола реки вниз [по течению], то все одновременно за ним погребли вдоль того берега. Нечестивые же выпустили бесчисленные стрелы дождем с горы на струги. Но Богом хранимы [казаки] это место прошли так, что и волоса не сронили. Когда же прошли, знамя само на свое место встало» [4, с. 153–154; 2, с. 50].

Очевидно, что С.У. Ремезов опирался не только на предшествующие летописи, но и на предания казаков, местного населения, то есть на устные рассказы о прошлом, преимущественно историческом. В преданиях рассказывается об истории края, общенациональных событиях, исторических деятелях. Назначение жанра — сохранять память о прошлом, что мотивирует установку на историческую достоверность. Вымысел в предании опирается на исторические факты, вытекающее из него обобщение (или мысль, поэтическая идея) не противоречит исторической правде.

Летом 1581 года дружина Ермака передвигалась по реке Тоболу к столице Сибирского ханства. В устье реки Турбы войско хана Кучума устроило казакам засаду. Предание, основой которому послужили, видимо, изустные рассказы ермаковских казаков, объясняет спасение казаков свершившимся чудом (знамя, как Божье провидение, указывало им безопасный путь по реке), хотя исследователи предполагают, что Ермак применил тогда «хитрый» военный маневр, который и позволил ему избежать поражения.

Сибирский хронист развивает религиозное обоснование действий Ермака, его дружины: «Но Богом хранимы [казаки] это место прошли так, что и волоса не сронили». Ремезов показывает казаков как бы «изнутри» их сообщества. Он не стремится изобразить казаков былинными богатырями, эпическими героями (казачий фольклор богат образами героического эпоса). Под его пером ермаковские казаки — смелые военные люди (они совершают подвиги, как говорили тогда, «не щадя живота своего»), но они и обычные люди, которым известен страх: «Казаки же перепугались и причаляли к острову выше Яра, держали совет [и] просительную молитву вознесли Святой Троице, Пресвятой Богородице и всем святым».

Таковыми же казаки предстают и во втором фрагменте с фольклорным началом, они испытывают страх перед многочисленным местным войском, но вместе с тем действуют тактически грамотно, проявляя смелость и смекалку, военное мастерство (летописный фрагмент мы назвали «Принесли с собой Белогорского идола...»):

«На второй год после смерти [Ермака] посланы воеводы из Москвы Иван Мансуров с товарищами, с ним сто человек ратников. Когда плыли по Иртышу, то видели на Иртышском берегу, как песка, вражеского войска, ожидающего [момента] для нападения,

по донесению знавшего, что послан [из Руси] малый отряд. И испугавшись, [русские] проплыли, гонимые страхом, вплоть до Оби реки. Увидев же ледостав, поставили крепость над Обью против устья реки [Иртыша] и сели зимовать.

Собрались с Иртыша и с Оби множество остяков и окружили крепость, и день сражались, только к вечеру нечистивые отступили. Утром же принесли с собой Белогорского идола и поставили его под березу. И молились, и жертвы приносили, чтобы взять крепость. И во время жертвоприношения [казаки] прицельно выстрелили из пушки и идола их вместе с деревом разбили на многие части. Нечистивые очень испугались, не зная, [что это было,] думая, что из лука человек разбил, и все разошлись восвояси. И потом ясак принесли; а к весне [русские] прошли через Камень» [4, с. 209–210; 2, с. 50].

В 1585 году Разрядным приказом во главе отряда стрельцов и казаков для помощи Ермаку поставлен полковой воевода Иван Алексеевич Мансуров, по прибытии за Камень сменивший Ермака на посту воеводы Сибири. В его задачи на посту сибирского воеводы входило обложение ясаком (данью) коренных народов края, строительство крепостей. Обский городок поставили на Оби близ устья Иртыша, в центре Белогорского княжества, территории приобских племен, предпринявших штурм крепости. Предание гласит, что меткий выстрел, разбивший идола (фетишизированное божество) остяков, привел их в повиновение: потрясенные случившимся, они (язычники, поэтому названы «нечистивыми») сами принесли ясак, то есть согласились быть московскими данщиками.

С основания Обского городка собственно и начинается история службы казаков в Сибири. «В Сибири, — отмечает историк, — сложилась особая группа казаков — казаки служилые, которые подразделялись в зависимости от происхождения, условий службы, материального обеспечения на беломестных (привилегированная часть казачества, которая проживала в приграничных укреплениях и получала крупные земельные наделы, денежную помощь; в 1724 г. были включены в сословие государственных крестьян) и выписных (привлекавшихся на службу из местных крестьян для сторожевой службы; в середине XVIII в. их перевели в сословие государственных крестьян). После разгрома восстания Е. Пугачева (1772–1774 гг.) монархия решила использовать казачество в своих целях, то есть окончательно огосударствить. Крепостные и городовые казаки теряют прежние частные названия “тобольских”, “верхнеиртышских” и переименовываются в линейных — “сибирских линейных казаков”, чьи права и социальное положение определялось особым порядком отбывания военных и земских повинностей. В 1808 г. утверждаются Положение и штаты Сибирского линейного казачьего войска, а с 1822 г., согласно “Уставу о сибирских городских казаках”, было создано 8 полков городских казаков. В Тобольске городовая команда включала более 2500 казаков, подчиненных через “голов”, атаманов, сотников, ротмистров местной администрации. Они имели три вида жалования: деньги, хлеб и соль, значительные земельные наделы. В функцию казаков, кроме исполнения воинской и административной служб, входили обеспечение “таможенного дела”, отправка “хлебных запасов”, сбор ясака и т.д.» [7, с. 139–140].

После «Ермаковского взятия» Сибири продолжилось движение казаков на восток, в результате огромные территории были присоединены к Российскому государству: «Просуществовавший 70 лет возле Полярного круга торгово-казачий городок Мангазея стал отправной точкой продвижения казаков на восток от реки Енисей. В течение XVII в. экспедиции тобольских, березовских, мангазейских казаков под командованием Черкаса Рукина, Андрея Рукина, Самсона Навацкого, Воина Шахова, Ивана Реброва основали Енисейский, Красноярский, Якутский, Илимский остроги, открыли “Юкагирскую землю” и дошли до Тихого океана» [7, с. 140].

Именно о масштабной деятельности казаков в Сибири и повествуется в легенде «Святой Николай и Касьян Немилостивый». Легенду собиратель казачьего фольклора, писатель Борис Александрович Алмазов записал в Сибирском казачьем войске, текст опубликован в его сборнике 1996 года «Казачьи сказки» [5].

Казачья легенда, зафиксированная в среде сибирского казачества, рассказывает о том, как святые Николай и Касьян отправились в светлых ризах на восток к Христу и, шествуя по облакам, увидели внизу, на земле, завязший казачий обоз, направляющийся также на восток. Святой Николай помогает казакам, Касьян же отказывается, за что и получает от Господа прозвание Немилостивый (см. полный текст легенды в приложении). Текст легенды Б.А. Алмазов, охвативший в своих публикациях широкую географию казачьих сказок, собравший, обработавший их, считает сказкой. И хотя в дальней-

шем он зачислил произведение в разряд «православных сказок», мы констатируем, что «Святой Николай и Касьян Немилостивый» в жанровом отношении — скорее казачья (народная) христианская легенда апокрифического содержания.

Само произведение явно не сказочного содержания, а религиозного по существу, так как все его содержание охватывается христианскими ценностями и идеями сострадания, милосердия, альтруистической помощи ближнему и т.п. Мы не найдем в произведении сказочного хронотопа, то есть особой пространственно-временной сказочной организации сюжета и образной картины (сказочное двоемирие, когда герои отправляются в иной мир, «за тридевять земель»), сказочных чудес и помощников. Да, святой Николай спускается с облаков, но он, помогая казакам вытащить телеги и пушки из болотной грязи, действует по-земному, как и сами казаки; говоря языком текста, важна его «пара рук»: «Казаки из сил выбились, каждая пара рук на счету», «Схватился святой Николай за доску, что была к лафету привязана, хорошая доска, дубовая. Хотел под колесо положить» [5, с. 156]. Религиозная картина мира исключает двоемирие, для православного человека мир видимый и невидимый не разделены, это цельный и единый мир (континуум) под эгидой высших сил.

Чудесное в легенде и сказке подается с точки зрения жанровой картины мира. В христиански-легендарном народном сюжете чудесное воспринимается как возможное в действительности — для верующего человека. Сказка же, тем более волшебная (именно в ней чудесное становится сюжетообразующим элементом), никогда не скрывала, что в ней воспроизводится вымышленный (условный) мир — мир воображения и мечты, противопоставленной действительности. В фольклорной легенде чудесное воспринимается как достоверность, это определяет структуру, систему образов, поэтику произведения. В группу христианских рассказов входят легенды о Боге, Христе, Богородице, святых, ангелах, являющихся в мир в образе странников, нищих (к данной группе примыкают легендарные сказки с христианскими темами в контексте ветхозаветных или евангельских историй). В мире религиозно-дидактических легенд человеческие отношения и судьба отдельного человека испытываются высшими силами, результат испытания мотивирует христианское наказание или вознаграждение. (Отметим, что и в тексте рассматриваемой легенды мы находим связанную с христианской оценкой поступков ключевую формулу: «По вере вам Господь и воздаст».) В легенде «Святой Николай и Касьян Немилостивый» эта схема перевернута: за немилосердие наказывается святой Касьян: он не оказал помощи труженикам-казакам в их богоугодном деле. Конфликт в ней носит не сказочный, а морально-христианский характер, так как развитие сюжета построено на оппозиции милосердие — немилосердие (нравственное — безнравственное).

Казачий фольклор самобытен и вместе с тем содержит в себе общечеловеческие ценности. К базовым ценностям, формирующим личность, относятся патриотические и духовно-нравственные, эти ценности общечеловеческие. Патриотизм, духовность, нравственность формируются в душе человека с детской поры, но это формирование происходит только тогда, когда в обществе, социальной группе, семье, в государстве существует нечто священное. Именно об этом и идет речь в легенде о святых и казаках. Казачья душа, как и вообще русская, иррациональна. Ей присущи и свободолюбие, и, как сказали бы в пору Древней Руси, «чинность», то есть почитание традиции: источники патриотизма, духовно-нравственных ценностей лежат в глубинных (генных) пластах народной памяти, в традициях и обычаях, в вере и фольклоре.

Ценности патриотизма, нравственности, духовности вплетены в содержательную канву легендарного сюжета «Святой Николай и Касьян Немилостивый». Жанровая картина мира оказывается самобытной — казачьей. Хронотоп (напомним: пространственно-временной образ мира) легенды — хронотоп казачьего служилого бытия. Он разворачивается в произведении и с точки зрения сакрального бытия (в нем доминируют высшие, священные ценности), и с точки зрения земного бытия, ибо мы в легенде «Святой Николай и Касьян Немилосердный» найдем ответ и на вопрос, как же сами казаки воспринимают свою роль в истории государства.

Легенда «Святой Николай и Касьян Немилостивый» соответствует отмеченным нами базовым ценностям, она отражает этапы продвижения казаков в Сибирь, на Восток. На Восток идут не только святые Николай и Касьян (к Христу в «Царствие Небесное» [5, с. 155]), но и обоз с людьми — казаками и их семьями. По православному учению на востоке, где всходит солнце, находится Иисус Христос. Царство Небесное (Царство Божие), рай в

сознании верующих были ориентированы на восточную сторону. Они (как духовная сущность) находятся на небе и в восточном направлении по отношению к земле; в Писании, в церковных сочинениях Иисус Христос именуется «Солнцем Правды», «Востоком», где-то на востоке возник библейский рай: «И насадил Бог рай в Едеме на Востоке» (Быт. 2, 8). Иисус Христос вознесся на восток, с востока ожидается второе Его пришествие, поэтому православные молятся на восток, на восток лицом хоронят своих родных, на восток расположены алтари православных храмов. На Восток же, как это представлено в легенде «Святой Николай и Касьян Немилостивый», устремился и российский народ, присоединяя и включая в свои владения новые дальневосточные земли. Следовательно, огромное сибирское пространство сакрализуется — освящается присутствием православного Бога. Оно также наполняется человеческими действиями и деяниями святых, наполняется повседневным и тяжким трудом казаков: сибирская территория перестает быть просто «территорией», а переводится в сюжете легенды в сферу духовной культуры. Мы не услышим в легенде ни грома пушек, ни ружейной пальбы, потому что вопрос стоит так: а какие духовно-нравственные ценности принесут с собой казаки на новые земли? Или это будут только пушки, которые они везут с собою? Сюжет выстроен таким образом, что базовые ценности как бы «испытываются», проверяются в пути на Восток. Что несет в своей душе казак — веру, трудолюбие, взаимопомощь или он лишь «человек с ружьем», который не только охраняет, но и может принести с собой насилие?

Сюжет построен на целом ряде оппозиций (противопоставлений), но не вымышленных, а соответствующих народным и православным традициям, народному календарю.

«Святой Николай и Касьян Немилостивый» — народная легенда апокрифического типа. В устной, в книжной традиции ещё на заре христианства получили широкое хождение апокрифические сочинения и фольклорные произведения (греч. *apokryphos* — «тайный»). Содержание апокрифических произведений и сочинений существенно отступало от принятого в официальном вероучении христианского (церковного) канона, поэтому такие произведения отвергались церковью (понятно, что книжные апокрифы распространялись тайно). Святой не может быть немилосердным по официальному вероучению, церковь не могла канонизировать греховного человека в ранге святого. Образ Касьяна в рассматриваемой легенде не имеет никакого отношения к святому Кассиану, день памяти которого приходится на 29 февраля. В истории христианской церкви Кассиан — основатель монашества в Галлии и один из главных теоретиков монашеской жизни (родился около 360 г.). В народных же представлениях, вопреки реальной биографии, житиям о святом Кассиане (Касьяне в русской транскрипции), создан был отрицательный образ святого. Да, святой, но «немилостивый», он рисовался в народной устной традиции, фигурировал в поверьях с отрицательными чертами: Касьян немилостивый, немилосердный, скупой, остудный, корыстник, завистливый, кривой и т.п. Суть в том, что день 29 февраля занимает особое место в календаре, в частности в народном крестьянском календаре. Этот день бывает один раз в четыре года. Надо помнить, что и в русском Средневековье (до XV века) Новый год открывался мартом, то есть он открывался через каждые три года после Касьянова дня. И это был год високосный! Високосный год всегда считался в крестьянских суевериях годом опасным. В народной традиции существовало поверье, что 29 февраля вообще не стоит, хотя бы до обеда, выходить из дома, не стоит начинать каких-либо дел. День памяти святого Касьяна отмечается один раз в четыре года. По народному же объяснению выходило, что Бог лишил Касьяна ежегодных именин за недоброжелательность (немилосердие) к бедным людям. Поэтому день его памяти (да еще на стыке зимы и весны) числился одним из самых плохих и опасных («зловредных») дней народного календаря (что, в свою очередь, распространялось на весь год). Отсюда и проистекает щедрость нелестных характеристик в адрес Касьяна — не реального святого, а созданного мифологического образа.

Теперь мы должны ответить на вопрос, является ли «Святой Николай и Касьян Немилостивый» легендой, вариантом народного сюжета? Уточним, что традиционный (классический) фольклор по существу крестьянский. Именно «крестьянский космос» поставлял устной (фольклорной) традиции сюжетные схемы (их называют «фольклорными мотивами»), которые существовали в вариантах. Фольклорный сюжет подтверждается наличием вариантов (однократное исполнение традиционного сюжета с небольшими отклонениями, порождаемыми устной культурой рассказчика, этногеографическими традициями и т.д.). Наличие вариантов означает, что традиционный сюжет (основной

мотив, который объединяет смысл и форму подачи материала, его называют также «инвариантом») принят (создан) народом, так как он получил широкое распространение в устной передаче от поколения к поколению. Казаки в историческом прошлом — воины и крестьяне. В казачество они верстались из крестьянской среды, за службу получали земельные наделы. Они оседали на определенных территориях, заново «окрестьянивались» и по царским указам (смотри об этом выше), и по выслуге лет, вырастали семьями, сложившимся бытом на новой земле, которая становилась их родиной. Казак, следовательно, такой же активный носитель общерусского и этнического фольклора, как и любой другой россиянин.

По Руси издавна ходил легендарный сюжет (а не сказочный сюжет!) о святом Касьяне и Николае Угоднике. Мы уже знакомы с его сутью (смыслом) по тексту из сборника Б.А. Алмазова. Народный сюжет о том, что святые, направляясь в рай, шли по дороге и увидели мужика, тащившего воз из грязи и обратившегося к святым за помощью. Касьян ответил отказом, думая о своей ризе, а Николай-угодник, засучив рукава, без лишних слов вытаскивает воз из грязи. Понятно, что один явился в рай в чистой, а другой в грязной ризе. Бог, по прибытии святых в рай уточнивший, почему у них такие ризы, лишил Касьяна ежегодных именин за неотзывчивость к бедным людям (достаточно и одного раза в четыре года).

Для нас авторитетными будут мнение российского фольклориста, этнографа XIX века Сергея Васильевича Максимова (кстати, обследовавшего не только ряд центральных российских губерний, но и Русский Север, Приамурье и Дальний Восток), сведения из его книги «Нечистая, неведомая и крестная сила». В его книге о народных верованиях есть раздел о Касьяне немилостивом. Обратив внимание на народную легенду об отступничестве Касьяна от Бога, С.В. Максимов указывает, что «не это отступничество от Бога послужило источником охлаждения православных темных людей к Касьяну, а главным образом его «немилостивое» отношение к бедному народу», в подтверждение приводит легенду, записанную в Зарайском уезде Рязанской губернии: «Однажды Касьян вместе с Николаем Чудотворцем шел по дороге, и встретился им мужичок, который увязил воз в грязи. — «Помогите, — просит мужичок, — воз поднять». А Касьян ему: «Не могу, — говорит, — еще испачкаю об твой воз свою райскую ризу, как же мне тогда в рай прийти и на глаза Господу Богу показаться?» Николай же Чудотворец ни словечушка мужику не ответил, а только уперся плечом, натужился, налег и помог воз вытащить. Вот пришли потом Николай-угодник с Касьяном в рай, а у Николая-то вся как есть риза в грязи выпачкана. Бог увидал это и спрашивает: — «Где это ты, Микола, выпачкался?» — «Я, говорит Николай, — мужику воз помогал из грязи вытаскивать». — «А у тебя отчего риза чистая, ведь ты вместе шел?» — спрашивает Господь Касьяна. — «Я, Господи, боялся ризу запачкать». Не понравился этот ответ Богу, увидал Он, что Касьян лукавит, и определил: быть Касьяну именинником раз в четыре года, а Николаю-угоднику, за его доброту, два раза в год» [4, с. 287–288].

Какие новые элементы привнесены в легенду «Святой Николай и Касьян Немилостивый» с традиционным крестьянским сюжетом. (Можно учащимся прочесть два текста на предмет выявления их сходства и различия — такова суть подхода к фольклору, он опирается на сопоставление вариантов.) Вместо мужика-труженика с увязшим возом — казаки с обозом на необозримом пространстве Сибири; «прибавочные» элементы — казаки с семьями, пушки, разобранный храм, их векторное движение — вплоть до Аляски; на Аляске была поставлена российская крепость Святого Николая. Другая сторона вопроса: а что привнесено составителем сборника казачьих сказок, почему он текст «Святой Николай и Касьян Немилостивый» относит к сказочному жанру? Мы же подчеркнем, что фольклор не детализирует, он сразу — минуя индивидуализацию, конкретику — порождает образы с широким обобщением. Мы видим громадное пространство России, собирательный образ будущего сибирского казачества: казаки идут из разных мест их концентрации на территории Европейской России. В сжатом фольклорном образе охвачено громадное пространство расселения российского казачества — «часовых империи» (по выражению Андрея Смирнова). В XVIII веке, после открытий казаков-первопроходцев Владимира Атласова, Семёна Дежнева (службу начинал рядовым казаком в Тобольске), капитана-командора Витуса Беринга, казаки переплыли пролив, соединяющий Азию и Америку. Началась история Русской Америки, и она не сводима лишь к пушкам, саблям, пушнине. Русские принесли с собой и веру. В 1794 году на

Аляске появляется Российская духовная миссия. В православную веру за два года были обращены 12 тысяч алеутов. Россия ушла из Северной Америки, но до сих пор на Аляске существует около 80 алеутских и индейских православных общин.

В казачьей легенде традиционный крестьянский сюжет не изменился по существу, но приобрел именно казачью интерпретацию. Сюжет «вписан» в историю сибирского казачества. Традиционная сюжетная схема (путь святых на суд к Богу через испытание их добродетелей по дороге к Нему) наслаивается на исторический путь казачества в Сибирь, вследствие чего трудный и труженический подвиг казаков наполняется высшим (сакральным) смыслом: они идут на Восток вместе со святым Николаем (не Касьяном!), выполняя свои задачи, идут по направлению к Богу.

Произведения, к которым мы обратились, позволяют посмотреть на казаков глазами... самих казаков, то есть через призму их фольклора. Чем больше точек зрения на явление, тем полней его картина, в том числе и история службы казаков в Сибири... История же службы сибирских казаков может рассматриваться не только в физическом, но и в духовном измерении, как это и имеет место в легенде «Святой Николай и Касьян Немилостивый».

Литература:

1. Белич, И. В. Ремезов Семен Ульянович // Тобольский биографический словарь / отв. ред. В. Ю. Софронов. — Екатеринбург : Изд-во «Уральский рабочий», 2004. — С. 409–416.
2. Живое слово. Фольклор юга Тюменской области : хрестоматия для школ / под ред. В.Н. Евсеева. — Тюмень : ООО «Печатник», 2008. — 232 с.
3. Максимов, С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов ; послесл. Н. В. Ушакова. — Санкт-Петербург : ТОО «Полисет», 1994. — 446 с.
4. Ремезовская летопись : История Сибирская. Летопись сибирская краткая Кунгурская. — Тобольск : Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2006. — 272 с.
5. Святой Николай и Касьян Немилостивый [текст] // Алмазов, Б. Казачьи сказки. — Санкт-Петербург : Издательский дом «Пенаты», 1996. — С. 155–158.
6. Христос-молотьяга [текст] // Городцов, П. А. Были и небылицы Тавдинского края : в 3 т. / под ред. В. Я. Темплинга ; сост. Ю. Л. Мандрика. — Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. — С. 347–351.
7. Ярков, А. П. Казаки / А. П. Ярков // Тюменская область : народы, языки, культура : энциклопедический справочник ; гл. ред. И. С. Карабулатова. — Тюмень : ИПЦ «Экспресс», 2007. — С. 138–141.

Возможности анализа культуры в контексте социальной безопасности

Ю.И.Дерябин, В.А.Дерябина,

Тюменский государственный архитектурно-строительный университет

Статья посвящена малоизученной проблеме взаимосвязи культуры и социальной безопасности в целом. В авторской концепции сделана попытка преодолеть разрыв между изучением этих феноменов, выделив в качестве связующего их звена личностное время. В понятие личностного времени включено не только биологическое, социальное и психологическое время, но и ценностно-символическое время, что позволило рассмотреть проблему культуры личности в пространстве социальной безопасности. Наиболее важным критерием ценности личностного времени является наличие смысла жизни, что придает значимость всему происходящему в настоящем и желательность будущему. Речь идет о том, что содержание личностного времени составляют мотивы, цели и ценности. Именно в этом виде времени запечатлевается уникальность личности, ее собственное осмысление мира и духовные ценности. С одной стороны, среди ценностей личностного времени важное место занимают ценности культуры. С другой — ценность самого времени может иметь различный статус в культуре того или иного общества. Так, для современного общества характерна тенденция падения ценности времени в духовной культуре. Происходит не только обесценение временных перспектив развития цивилизации в целом, но и отдельной личности. Во многом такая ситуация объясняется, на наш взгляд, высокой степенью неопределенности относительно будущего. И